

Она лишь произнесла:

— Мне нужен тот, кто умеет сводить дебет с кредитом. Тебе нужна причина закрепиться в этом городе. Как думаешь — можем мы объединить усилия?

Лу Синвань посмотрела на неё.

Падшая дочь знатного рода, пытающаяся в смутные времена с помощью переговоров отстоять продовольствие целого города.

Менеджер по продукту из эпохи попаданок, которая триста с лишним лет назад с помощью анализа данных утёрла нос зерновому магнату.

— Можем, — ответила Лу Синвань.

Су Цзиньшу кивнула. Хотела уже повернуться и уйти.

Сделав пару шагов, она снова остановилась.

— И всё-таки — кто ты такая?

Лу Синвань приоткрыла рот.

Она не знала, как ответить на этот вопрос.

Чего она не знала, так это того, что тридцать девять лет назад в префектуре Тайпин южной столичной области женщина по имени Шэнь Роюй тоже только что открыла глаза.

Той женщине было пятьдесят, она работала учительницей физики в старшей школе, стаж — тридцать лет.

Она перенеслась в ветхую хижину гончара, а рядом лежало ещё не остывшее тело мужчины — мужа прежней хозяйки, ремесленника, загнанного до смерти непосильным горным налогом.

Та женщина оказалась куда хладнокровнее собственной дочери.

Она не запаниковала.

Она просто взяла медное зеркало, оглядела своё новое лицо, а затем произнесла одну фразу:

— Помолодела.

После чего опустила зеркало, подошла к обжиговой печи, присела на корточки и бросила взгляд на поддувало.

— Конструкция неверная, — сказала она.

Голос прозвучал тихо.

Но тридцать девять лет спустя её дочь услышит отзвук этого голоса.

Хотя в этот момент они ещё не подозревали, что находятся в одном и том же мире.

Су Цзиньшу не стала больше расспрашивать.

Отойдя на пару шагов, она снова остановилась, обернулась и бросила на Лу Синвань взгляд. Этот взгляд Лу Синвань знала слишком хорошо. Она бесчисленное число раз видела его в компании — так смотрит интервьюер, сомневаясь, стоит ли делать оффер кандидату с туманным прошлым.

В конце концов Су Цзиньшу приняла прагматичное решение: не расспрашивать дальше.

— Откуда бы ты ни пришла, — проговорила она, и её тон стал холоднее на полградуса, но зато звучал куда твёрже. — Ты умеешь считать, а ты мне нужна. За мной.

Шла она быстро. Подол платья заметал дорожную пыль, но шаги были настолько уверенными, будто она вовсе не спешила. Лу Синвань вместе с Чэнь Анюем и несколькими подростками последовала позади. Чэнь Анюй наклонился к самому её уху:

— Сестрица, а эта баба вообще надёжная?

— Понятия не имею, — ответила Лу Синвань. — Но то, что она только что устроила в лавке зерна, доказывает: она не просто красивая кукла.

Чэнь Анюй пренебрежительно скривился и больше ничего не сказал.

Су Цзиньшу провела её через два переулка и свернула в просторный двор с серыми стенами. У ворот дежурили двое ватных от усталости стражников; завидев Су Цзиньшу, они даже поленились разогнуться.

— Государственное зернохранилище префектуры Гуйдэ, — Су Цзиньшу толкнула створку

ворот. — Давай я покажу тебе истинное положение дел в этом городе.

Обстановка в зернохранилище оказалась ещё хуже, чем Лу Синвань предполагала.

Из шести амбаров зерно нашлось лишь в четырёх. Войдя внутрь, она присела на корточки и зачерпнула пригоршню риса — рис был старым, пожелтевшим, с червями. Работая в интернет-компании, она занималась конкурентным анализом свежих продуктов питания и имела базовое представление об условиях хранения зерна. Такое качество в современности сочли бы негодным даже для корма скоту.

— По документам числится три тысячи ши, — Су Цзиньшу стояла у неё за спиной, голос звучал тихо. — Но фактический запас...

— Меньше двух тысяч, — Лу Синвань поднялась на ноги и отряхнула ладони от рисовой шелухи. — Причём из этих двух тысяч по меньшей мере три десятых — вот такого качества. Того, что действительно можно есть, от силы тысяча двести ши.

Су Цзиньшу бросила на неё взгляд. Ничего не сказала, но во взгляде сомнений интервьюера побавилось.

Лу Синвань принялась за подсчёты.

Постоянное население города Гуйдэ составляло около трёх тысяч человек, плюс нахлынувшие беженцы — при входе в город она прикинула их на глаз, прибыло по меньшей мере ещё две тысячи. Пять тысяч человек, каждый съедает в день минимум по две хэ риса, за сутки набегает сто ши.

Тысяча двести ши. Хватит на двенадцать дней.

Двенадцать дней.

Она глубоко вздохнула, присела на корточки и принялась выводить палочкой на земле.

Крест. Четыре квадрата.

Срочно + важно:

Распределение продовольствия

Медицина и эпидемиологическая безопасность

Срочно + неважно:

Ремонт городской обороны

Регистрация беженцев

Важно + не срочно:

Укрепление городской обороны

Продовольственные резервы

Не важно + не срочно:

Прочее

Су Цзиньшу опустила рядом на корточки и всмотрелась.

— Что это?

— Матрица Эйзенхауэра, — Лу Синвань указала пальцем на квадраты. — Все дела делятся по срочности и важности на четыре категории. Сначала делаем то, что в левом верхнем углу, потом переходим к правому, затем к нижнему. А то, что в самом правом нижнем углу — не делаем вообще.

Су Цзиньшу долго вглядывалась в этот рисунок.

— Все эти твои методы... — медленно проговорила она. — Я о таких в книгах не читала.

— В книгах этому не учат, — отозвалась Лу Синвань. — Это наработано на практике.

Су Цзиньшу снова посмотрела на неё. На этот раз взгляд был совсем другим. Больше не сомневающийся интервьюер — скорее интервьюер, который раздумывает, не пропустить ли сразу финальный этап собеседования.

— Проблему с зерном я беру на себя, — Су Цзиньшу поднялась. — А ты... помоги мне оценить одну вещь.

Этой вещью оказалась крепостная стена.

Окружность городской стены Гуйдэ составляла около девяти ли, высота — два чжана и пять чи, толщина основания — два чжана, а верха — один чжан. Издалека укрепления казались целыми, но стоило подойти ближе...

Сердце Лу Синвань ухватилось в пятки.

Она обошла изнутри всю линию стен, на что ушел почти целый час. Чэнь Анюй тащился следом, всё сильнее теряя терпение:

— Сестрица, что ты вообще выискиваешь?

— Выискиваю, сможет ли этот город устоять.

Взяв тонкую ветку, она зарисовывала схему на куске доски — вовсе не художественный пейзаж, а схематичный каркас, какими пользовался менеджер по продукту. Пройдя каждый отрезок пути, она отмечала точку и делала короткую пометку.

К концу обхода доска оказалась густо исчерчена десятком с лишним точек.

Три из них она обвела кружками.

Первая: юго-восточный угол. Стена здесь делала почти прямой поворот, образуя слепую зону. Если смотреть с угловой башни наружу, участок основания стены шириной шагов в тридцать оказывался абсолютно не просматриваемым. Начни кто-нибудь с той стороны приставлять штурмовые лестницы, защитники спохватятся уже слишком поздно.

Вторая: западные воротные ворота. Сами ворота были целы, но идущий за ними проход-туннель оказался слишком длинным и узким — если враг пробьёт ворота и ворвётся внутрь, защитники просто не успеют организовать вторую линию обороны в этом коридоре, и неприятель хлынет прямо в город.

Третья: северный участок стены. Этот отрезок страдал от старости и отсутствия ремонта, на кладке виднелись три отчётливые трещины. Мелочь, если неспешно латать их в мирное время. Но в условиях осады удары стенобитного орудия в одно и то же место способны обрушить эту стену за полдня.

Присев у подножия стены, она еще раз сверилась с наброском на доске. Три смертельные уязвимости. Будь она на месте штурмующих, в первую же волну атаки ударила бы по юго-восточному углу.

— Девчонка, чего ты там на земле чертишь?

Грубый хриплый голос раздался прямо над ухом.

Лу Синвань подняла голову.

Цинь Ху. Тот самый однорукий ветеран, что ругался у ворот зерновой лавки. Обходя дозорный участок стены со ржавым тесаком в руке, он смотрел на неё сверху вниз.

Чэнь Анюй инстинктивно заступил перед Лу Синвань. Цинь Ху бросил на него косой взгляд:

— Ступай прочь, сопляк.

— Что ты тут намалевала? — Цинь Ху сошел по ступеням ниже и наклонился рассмотреть дощечку.

Лу Синвань не стала прятать или прикрывать чертёж. Она просто протянула ему доску.

Цинь Ху принял её, сперва без всякого интереса. Но стоило ему бросить первый взгляд, как выражение его лица мгновенно переменялось.

Он прослужил в армии сорок лет.

С одного взгляда он понял, что значат те три обведённых кружка.

— Юго-восточный угол, — он ткнул пальцем в первую отметку. — Откуда ты знаешь, что это мёртвая зона?

— Я стояла на угловой башне и смотрела налево и направо, — ответила Лу Синвань. — Слева виден восточный отрезок, справа — южный. Но в самом изгибе есть тридцать шагов дистанции, не просматриваемых ни с одной стороны. Если ночью кто-то приставит там лестницу, ближайшие защитники заметят неладное, когда враг уже окажется на стене.

Цинь Ху умолк.

Он опустил взгляд, разглядывая второй кружок — туннель западных ворот, а затем третий — трещины на северном участке.

— А это? — он ткнул в отметку у воротного прохода.

— Прорыв ворот не страшен, — произнесла Лу Синвань. — Страшно то, удастся ли перекрыть проход после прорыва. Твой коридор слишком узок, две шеренги солдат там плечом к плечу не встанут. Стоит врагу хлынуть внутрь — начнётся свалка. А в рукопашной защитникам не

выиграть: у вас людей мало, у них много.

Цинь Ху вернул ей доску.

Движение было неожиданно мягким. Словно расставаться с ней не хотелось.

Он долго-долго смотрел на Лу Синвань. В этом взгляде читалось нечто сложное — так смотрят на человека, которого заново открывают для себя.

— Девчонка ты... — проговорил он. Голос звучал на полтона ниже, чем у ворот лавки. — Взгляд у тебя совсем не на двадцать лет.

У Лу Синвань внутри всё ёкнуло.

Она не знала, как объяснить своё выражение глаз. Оно было выковано за бесчисленные ночные совещания по защите проектов в два часа ночи, за неисчислимые экстренные собрания при падении метрик и после двадцать третьего требования директора по продукту переделать презентацию.

Взгляд уставшего, трезвого человека, повидавшего абсолютно всё.

— Я просто внимательно смотрю по сторонам, — ответила она.

Цинь Ху фыркнул. Развернулся и зашагал прочь.

Пройдя пару шагов, он остановился. Не оборачиваясь, бросил:

— Завтра на рассвете поднимись на крепостную стену. Прихвати свою дощечку.

И зашагал дальше.

Чэнь Анюй проводил его взглядом и вполголоса протянул:

— Сестрица, и что это старый хрыч имел в виду?

Лу Синвань прижала доску к груди. К дереву всё ещё лилась земля с подножия крепостной стены.

— Это значит, — ответила она, — что он хочет выслушать меня дальше.

Она подняла глаза к небу. Солнце уже клонилось к закату. Городские стены Гуйдэ отбрасывали на закатном солнце длинные тени, напоминая сгорбленного старика.

Этот город был очень стар.

Стены обветшали.

Те, кто защищал их, тоже изрядно поизносились.

Но если удастся разложить всё по полочкам — все эти бреши, скрытые угрозы и требующие починки трещины, разобрать их точно так же, как требования к новому продукту, и устранять поодиночке...

Быть может, эта старая крепость продержится ещё какое-то время.

Она не знала, что скрывается за словами продержится ещё какое-то время.

Она знала лишь одно: в конце династии Мин каждый дополнительный прожитый день означал ещё один день жизни.

На следующий день после боя весь город праздновал победу.

На улицах кто-то взрывал хлопушки — неизвестно даже, где раздобытые. Старики у зерновой лавки пили рисовое вино, раздумываясь от хмеля, хлопали себя по бёдрам и горланили народные припевки. Дети носились по дорогам, подражая защитникам крепости, вооружившись палками вместо сабель и выкрикивая во всё горло: Убить! Убить!

Лу Синвань к празднествам не присоединилась.

Она проводила совещание в подсобном помещении резиденции семьи Су. Сама она называла это ежемесячным смотром — ретроспективой. Хотя в Гуйдэ она провела едва ли месяц, после двух оборонительных боёв материала для разбора накопилось с избытком.

Людей собралось немного. Цинь Ху, Су Цзиньшу, Чэнь Анюй и Чэн Яньцю. Четверо уселись вокруг облезлого стола, на котором стояла пиала с остывшим рисовым вином и лежало несколько лепёшек из диких трав.

Лу Синвань повесила на стену кусок белой ткани, сплошь исписанный цифрами.

— Сперва посмотрим на цифры, — она указала на ткань. — Общая численность гарнизона — пятьсот двенадцать человек, в сегодняшнем бою участвовало четыреста восемьдесят семь.

Погибло двенадцать, ранено тридцать четыре. Уровень безвозвратных и санитарных потерь — меньше десяти процентов.

— Десять процентов — это много или мало? — она обвела всех взглядом. — В обычных оборонительных сражениях уровень потерь держится в пределах двадцати-тридцати процентов. У нас этот показатель вдвое ниже нормы.

Цинь Ху ничего не ответил, но по выражению его лица было ясно: он отлично понимает, о чём речь.

— Расход продовольствия в пределах ожидаемого. Расход стрел... — голос её на мгновение затих. — Превысил норму на сорок процентов.

— Превысил? — переспросил Чэнь Анъю.

— Превысил. А это значит, что точность лучников оставляет желать лучшего. Слишком много стрел улетело впустую, — она посмотрела на Цинь Ху. — Дядюшка Цинь, с этим надо проводить дополнительные тренировки.

Цинь Ху кивнул:

— Знаю. Эти сопляки ещё толком не научились лук натягивать.

Чэн Яньцю рядом поднял руку, точь-в-точь прилежный ученик.

— Доклад по раненым? — произнесла Лу Синвань.

Лицо Чэн Яньцю переменялось. С ленивого на предельно серьёзное — от такой серьезности становилось не по себе, словно шут внезапно облачился в деловой костюм.

— Тридцать четыре раненых. Тридцать один отделался лёгкими травмами, обработали раны — и всё в порядке. Трое тяжелых, — он сделал паузу. — Двоих удалось вытащить. Третий... проникающее ранение брюшной полости. Я... не смог его спасти. Он скончался сегодня на рассвете.

В комнате воцарилась тишина.

Чэн Яньцю опустил глаза на собственные руки. Те были вымыты ещё вчера, но под ногтями до сих пор темнели бурые следы — засохшая кровь, которую было не отмыть.

— Я не божество, — промолвил он. Голос звучал тише обычного. — Кое-что мне просто не по

силам.

Лу Синвань посмотрела на него.

Впервые она видела Чэн Яньцю таким серьёзным. Никаких издёвок, никакого самобичевания. Перед ней сидел просто лекарь, который скорбит о человеке, которого не сумел вернуть с того света.

— Как его звали? — спросила она.

— Чжао Си. Двадцать три года. В город прибыл два месяца назад.

Лу Синвань мысленно запечатлела это имя. Положив его рядом с именами Чжоу Да и Сунь Сяолю.

Три имени. Три человеческие жизни.

Она дала себе слово: отныне каждое новое имя будет означать, что она обязана сделать на ещё одну вещь больше, дабы предотвратить гибель людей.

После окончания совещания к ней подбежал Чэнь Анюй.

Он прижимал к груди обломок камня — нет, кусок каменной стелы. Надломанный пополам, с неровными краями, сплошь покрытый налипшей землей.

— Сестрица, глянь-ка, — он положил стелу на стол. — Выкопал за городом на развалинах, когда расчищали поле боя. Наполовину ушла в землю, чуть не прошёл мимо.

Лу Синвань наклонилась ближе.

Надписи на стеле почти стёрлись, камень сильно выветрился. Но несколько иероглифов разобрать удалось:

...Изучение вещей... Тайпин... Ваньли...

Изучение вещей. Тайпин. Ваньли.

Тайпин — префектура Тайпин?

Ваньли — эпоха Ваньли?

Изучение вещей — это словосочетание казалось ей смутно знакомым. Но вспомнить где именно она его слышала, не удавалось.

— Откуда эта вещь? — спросила она.

— Понятия не имею. Развалины лежат к югу за городом, похоже, раньше там стоял какой-то полуразрушенный храм.

Лу Синвань провела пальцем по выбитым на камне иероглифам. Судя по степени эрозии, этой плите было никак не меньше двадцати-тридцати лет. Годы правления Ваньли — это промежуток с тридцать девяти до двадцатилетней давности.

Каменная стела с начертанными на ней словами Изучение вещей, Тайпин и Ваньли угодила со стороны префектуры Тайпин к самым стенам Гуйдэ.

Простое совпадение?

Она вспомнила лежавший у изголовья старый кирпич с выбитым на нём числом 3.14.

Его тоже выкопали из старого фундамента стены. И возраст его тоже был неизвестен.

Две вещи. Две загадки.

Она перенесла стелу в подсобку и поставила в угол.

Что-то постепенно поднималось со дна на поверхность. Но вода пока оставалась слишком мутной, чтобы разглядеть, что там таится в глубине.

Эксклюзив! Пламя вспыхнуло на исходе второй стражи.

Лу Синвань не спала. Сидя в одолженной Су Цзиньшу каморке при свете огарка свечи, она раз за разом правила на доске карту городской обороны. Юго-восточный угол, западные ворота, северная трещина — над этими тремя смертельными уязвимостями она думала уже два часа, но так и не нашла ни единого толкового решения.

И тут до неё донеслись крики.

— Враг идёт! — со стороны городских ворот донесся тревожный перестук гонга. Три коротких, один длинный — условный сигнал дозора.

Бросив деревянную палочку, Лу Синвань выскочила наружу.

На городской стене творился настоящий кавардак.

Подоспевший Цинь Ху уже тряс за шиворот дозорного. Тот был мокрым от пота, а голос его срывался на фальцет:

— С юга, с юга идут! Факелы вытянулись в линию, не меньше трех сотен! Через полпалочки благовоний будут здесь!

Триста человек.

Защитников в городе — меньше двухсот. Причём — и это Лу Синвань видела ещё днём — по меньшей мере половина старики да хилые отроки, которые едва удерживают сабли в руках.

Дурная весть разнеслась молниеносно. В городе уже слышны были женские рыдания. Кто-то орал Закройте ворота, кто-то вопил Бежим скорее, а поверх этого нёсся ещё один голос:

— Запереть город и стоять до смерти!

Это вопил Се Тунчжи. Неизвестно когда он тоже поднялся на стену, облачённый в неказистый старый ватник, а на лице застыло выражение человека, уже написавшего завещание.

— Стоять тут до смерти — мать твою! — Цинь Ху оттолкнул дозорного и рявкнул: — Нам с такой горсткой не удержать стену! Триста человек ударят в один участок — через полчаса полезут наверх!

— И что ты предлагаешь? — не уступал Се Тунчжи. — Открыть ворота и бежать? На бегу умрём ещё быстрее!

Они принялись перебраняться бранью. Солдаты гарнизона, наблюдая за перепалкой командиров, запаниковали ещё сильнее.

Лу Синвань в споре не участвовала.

Стоя в тени угловой башни, она закрыла глаза и лихорадочно крутила в голове варианты.

Триста врагов. Двести защитников. Три уязвимых места в стене. Лобовое столкновение — верное поражение. Бегство — верное поражение вдвойне.

Значит, лобового боя быть не должно.

Она открыла глаза.

Днём, вычерчивая карту обороны, она обратила внимание на одну деталь — к юго-востоку за городской стеной, примерно в полули рт неё, лежал высохший низинный пустырь. С трёх сторон его окружали земляные склоны, а с четвёртой он был открыт, напоминая огромную чашу. Горловиной чаша смотрела в сторону Гуйдэ.

В интернет-компании она разрабатывала план выездного тимбилдинга и изучала свойства дымовых завес. Направление ветра...

Она слюнула палец и подняла руку вверх.

Северный ветер. Лёгкий бриз.

Дым понесёт с севера на юг. Если развести костры в лесополосе к северу от низины, дым потянет на юг, заполняя котлован. А люди... в густом дыму люди инстинктивно побегут туда, где дыма нет.

Место, где нет дыма — это юг. А юг — дно той самой низины.

Естественная ловушка.

— Дядюшка Цинь!

Цинь Ху продолжал переругиваться с Се Тунчжи и не расслышал.

— Дядюшка Цинь!

Цинь Ху обернулся со злобной миной:

— Ты чего...

— Хватит оборонять стену, — оборвала его Лу Синвань. — Заманите их внутрь.

Она присела на корточки и провела на земле палочкой простую схему.

Полукруг — низина. На севере метка: развести огонь. На юге метка: направление их бегства. По трём сторонам полукруга — отметки: лучники.

Низина лежит к юго-востоку, в полули от стен. С трёх сторон склоны, открыта только северная. Я развожу костры в роще на севере, дым несёт на юг, разбойников дымом гонит на юг — прямо в чашу низины. Как только они окажутся там, ваши лучники ударят с трёх склонов сверху вниз.

Цинь Ху вперил взгляд в рисунок на земле, его брови сошлись на переносице.

— С чего ты взяла, что их погонит в эту низину? А если они не побегут? А если ломанутся на восток? А если...

— В густом дыму люди теряют дорогу, — отрезала Лу Синвань. — Они бегут лишь туда, где нет задымления. На севере — дым, на востоке и западе — крутые склоны, туда не вскарабкаешься. Остаётся только юг — ровный и свободный от дыма. Человеческий инстинкт толкает бежать по пути наименьшего сопротивления.

Она сделала паузу.

Это не мои догадки. Это физиологическая реакция человека. В дыму у людей отказывает зрение, осязание и ориентирование откатываются на уровень животных. Животные в дыму руководствуются одним правилом: бежать подальше от источника раздражения по дороге с минимальным сопротивлением.

Цинь Ху сверлил её глазами.

Возможно, он не понял слов физиологическая реакция и путь наименьшего сопротивления. Но суть уловил безупречно.

— Какова вероятность успеха?

Лу Синвань помедлила.

— Семьдесят процентов.

На самом деле она оценивала шанс в восемьдесят. Но завышать обещания не хотелось.

Цинь Ху промолчал целых три секунды.

Три секунды — это долго. На поле боя три секунды решают судьбы сотен жизней.

Затем он смачно хлопнул себя по бедру.

— Делаем по её словам!

И рывкнул на застывших солдат:

— Чжан Лаосань! Бери своих людей, дуйте в юго-сорочную рощу, захватите трут и кресала, по команде поджигайте! Рябой Ли! Бери лучников на южный, восточный и западный склоны, расставляй людей по одному на каждые тридцать шагов! Остальные за мной к воротной арке — если сорвется, буду рубиться с ними насмерть!

Солдаты на мгновение остолбенели.

Цинь Ху рявкнул пуще прежнего:

— Чего встали? Шевелитесь!

Чэнь Анюй повёл отряд подростков на задание по поджогу.

Сначала Лу Синвань не хотела их отпускать — самому старшему едва исполнилось семнадцать, младшему было всего восемь. Но слова Чэнь Анюя заставили её передумать:

— Сестрица, мы бегаем быстрее всех. А тем старым хрычам со стариковскими ногами за нами не угнаться.

И он был прав.

В отряде состояло двенадцать подростков, тощих, словно мартышки, но невероятно проворных. За время скитаний по беженским дорогам они выработали звериный инстинкт — бегать быстро, лазать высоко, прятаться глубоко.

Лу Синвань присела перед Чэнь Анюем и заглянула ему в глаза.

— Слушай сюда. Ваша задача — только разжечь огонь.

<http://bllate.org/book/21208/2146538>